

Город Донгье. Университет иностранных языков.

Здание общежития East 9 было оцеплено. Многие девушки, еще в пижамах, сгрудились небольшими группами за полицейской лентой. Все они выглядели испуганными; многие дрожали, их волосы были растрепаны, а лица либо необычайно бледными, либо необычайно красными. Некоторые были так напуганы, что даже начали плакать.

East 9 обычно было шумным общежитием, настолько шумным, что временами казалось, что это ад на земле, но сейчас здесь было тихо. Три девушки, которые еще вчера вечером были живы и здоровы, были обнаружены свисающими с кроватей, их безжизненные конечности свисали через края. Свежая кровь, хлынувшая из их сонных артерий, пропитала матрасы. Она забрызгала пожелтевшие стены и ледяной клетчатый пол.

Комната 509 была полностью залита кровью.

Все общежитие, 509, было залито кровью, черно-красной жидкостью, которая застывала, как крики девушек в конце их жизни. Одного взгляда на это ужасное зрелище было достаточно, чтобы заставить большинство людей содрогнуться.

На одной стене кровью было написано крупными буквами:

ОНИ ВСЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ СМЕРТИ!

Почерк был извилистым, кривым и уродливым. Словно отражение души писавшего.

Следы кровавых ног вели из комнаты 509 к главному выходу из здания. Следы исчезали в кустах снаружи, как необъяснимое явление.

Трое студенток были зверски убиты за одну ночь. Это, несомненно, было крупное и серьезное дело. Как только участковый района Нань получил сообщение, они сразу же позвонили в Бюро уголовных расследований.

К девяти утра Сяо Юань уже лично привел Отдел тяжких преступлений и первую оперативную группу на место преступления.

Следователи прочесывали страшное общежитие в поисках улик, которые мог оставить преступник. Минг Шу стоял в дверях комнаты 509, изучая кровавые надписи на стене с мрачным и застывшим выражением лица.

Шу Юй была той, кто первой обнаружила тела. Рано утром она решила выйти во двор общежития, чтобы немного поразмяться. Как только она вышла из своей комнаты, то увидела, что дверь в комнату 509 широко распахнута. Внутри царил жуткая тишина и в воздухе витал запах крови.

Она задрожала, когда подошла ближе, чтобы взглянуть. Заглянув внутрь, первое, что она увидела, была голова Цзинцзин, свисающая над кроватью, с зияющей раной в горле, похожей на открытый окровавленный рот.

На мгновение сознание Шу Юй стало совершенно пустым. В оцепенении она лишь попятилась назад, и ноги механически понесли ее к двери.

Когда она наконец осознала, что произошло в комнате 509, все ее тело обмякло, и она с хриплым криком рухнула на пол.

К этому времени ее уже отправили в университетский лазарет для лечения шока.

Остальные девушки из общежития тоже были потрясены до глубины души, не в силах поверить, что подобное, что случается только в телевизионных драмах и романах, происходит сейчас с ними.

— Это... это точно была Ли Хунмэй! И эта... и эта женщина, Чи Сяомин! — заявила Ван Цзяо.

Ее волосы были мокрыми от холодного пота, а сама она, казалось, была способна делать только огромные, рваные вдохи через рот. В ее внешности было что-то странное и почти мрачно-комичное.

Но в такой момент никто не мог смеяться.

Минг Шу подошел к ней. Он изо всех сил старался сдержать мрачную холодность в своем выражении лица, спрашивая:

— Кто такая Ли Хунмэй? И кто такая Чи Сяомин?

Как только он произнес эти имена, поведение большинства девушек вокруг него изменилось. Некоторые из них заплакали еще сильнее. Другие оцетинились. А еще большее количество было охвачено гневом.

— Она права! Это точно были Ли Хунмэй и Чи Сяомин!

— Ли Хунмэй хуже всех! Она отдала ключ от своего общежития какому-то незнакомцу, и раньше даже приводила какого-то жуткого проповедника!

— Цзинцзин и другие только что пожаловались на нее, я не могу поверить, что она...

— Это просто ужасно, я так рада, что она не была нашей соседкой.

— Университет должен взять на себя ответственность за то, что впустил эту сумасшедшую, верно?!

— Только вчера девочки из 509-ой говорили, что хотят отправить Ли Хунмэй и ту девушку, у которой был ключ, в полицию. Тетушка Чжан остановила их. Если бы этих двоих отправили в полицию, то девочки из 509-ой были бы живы!

— Ну не знаю. Местная полиция совсем не умеет разбираться с такими вещами. В крайнем случае, они просто прочитают Ли Хунмэй лекцию и скажут, чтобы она больше не приводила в общежитие посторонних. С таким характером, как у нее, если Ли Хунмэй захочет кого-то убить, она убьет его, несмотря ни на что. Вэнь Цзинцзин и остальным просто не повезло. Особенно Цинь Маньюэ! Вчера она даже заступилась и помогла все замять Ли Хунмэй.

Минг Шу некоторое время прислушивался. Он узнал, что Ли Хунмэй, о которой все говорят, жила в комнате 509, а Чи Сяомин был посторонним человеком, которого Ли Хунмэй привела в общежитие. Вчера вечером Ли Хунмэй поссорилась с соседками по комнате из-за приглашения Чи Сяомин в их комнату. В десять часов вечера она ушла из общежития. К моменту выключения света в комнате остались только три жертвы.

В комнатах в East 9 жили по четыре студента. Личности трех жертв уже были установлены: Вэнь Цзинцзин, местная жительница, двадцать один год; Цинь Маньюэ, из города Фэн, двадцать два года; и Лянь Цяо, из уезда Синьфэн, двадцать один год.

В настоящее время самым важным вопросом был следующий: где сейчас была Ли Хунмэй?

Оставила ли эти кровавые следы, ведущие наружу, Ли Хунмэй?

К тому времени, когда группа обнаружения следов закончила осмотр общежития, щеки Сяо Мана приобрели нездоровый оттенок.

— Капитан Минг, — сказал он, — мы собрали в общей сложности семь комплектов следов изнутри, включая кровавые. На основании отпечатков и других следов, которые мы обнаружили, мы можем сделать вывод, что убийца был только один. Женщина. Она даже не надела перчатки при совершении преступления, а орудием убийства было лезвие с прямой кромкой. Причина смерти всех трех жертв — перерезанные сонная артерия и трахея.

Минг Шу взглянул на дверь комнаты в общежитии.

— Замок не имеет признаков того, что его взламывали. Либо у убийцы был ключ, либо его выпустила одна из жертв. Брат Син?

— Две жертвы умерли во сне без каких-либо признаков борьбы. У третьей есть признаки незначительной борьбы, — доложил Син Му. — Убийца, должно быть, вошел, используя ключ,

пока жертвы спали. Третья жертва, скорее всего, проснулась, когда убийца напал на двух других, но к тому времени было уже слишком поздно. Рана на горле третьей жертвы — самая глубокая и неопрятная, и, скорее всего, она умерла мучительной смертью. На всех трех жертвах ножевое ранение было неровным. Убийца не был в спокойном состоянии духа.

В комнате коменданта Чжан Чуньфан, которую студенты прозвали Тетушкой Чжан, уже допрашивали.

Судя по трупному окоченению трех жертв, время смерти можно было определить примерно в два часа ночи этого же дня.

Несмотря на летние каникулы, общежитие по-прежнему бдительно охранялось. Главные ворота закрывались ровно в полночь и открывались только в шесть утра. Если убийцей действительно был посторонний человек, Чжан Чуньфан не удалось бы избежать вины в этом деле.

— Я... я ничего не знаю. — Чжан Чуньфан сидела на деревянном стуле, слишком напуганная, чтобы встать.

В комнате коменданта не было кондиционера. Старый вентилятор вращался с постоянным скрипом. Когда вентилятор был направлен прямо на Чжан Чуньфан, сильный порыв воздуха дул ей в лицо, размазывая слезы по складкам обвисшей кожи и морщинам.

— Что случилось с Ли Хунмэй? — спросил Минг Шу. — Студенты говорят, что это вы помешали жертвам сообщить о Ли Хунмэй в местную полицию?

— Они поссорились прошлой ночью, потому что Ли... Ли Хунмэй одолжила... одолжила свой ключ постороннему человеку... — Чжан Чуньфан заикалась и запинаясь, пересказывая все, что произошло прошлой ночью.

Когда она закончила, то добавила:

— Мне стало жаль Ли Хунмэй. Поэтому я отговорила других девушек звонить в полицию. Но я и представить себе не могла, что такое может случиться... И в итоге отпустить Ли Хунмэй решили Вэнь Цзинцин и Цинь Маньюэ, а не я! Не я!

Минг Шу работал над многими делами об убийствах и уже имел представление о том, что произошло между четырьмя девушками.

— Вы сказали, что Ли Хунмэй ушла из общежития в десять вечера. Вернулась ли она после этого?

Чжан Чуньфан, все еще плача, смогла кивнуть.

— Когда? — спросила Минг Шу.

— Около часа. Она... она позвонила в звонок, и я... я была той, кто открыл ей двери! — Чжан Чуньфан ударила по столу перед собой. Высохшие слезы размазались по ее лицу в виде паутины. — Я не знала, что она сделает что-то подобное! Если бы я знала, я бы не пустила ее даже если бы от этого зависела моя собственная жизнь! Она подрабатывала с первого курса, поэтому для нее было нормальным возвращаться поздно, посреди ночи. Я действительно не знала...

— Вы помните, когда она снова ушла? — спросил Минг Шу.

— Когда она вернулась, было уже поздно. Как только я пустила ее, я вернулась в свою комнату и уснула, — всхлипывала Чжан Чуньфан. — Ворота не дают людям войти, а не выйти. Любой может открыть их изнутри.

С кнопки управления воротами в комнате коменданта Сяо Мань снял отпечаток пальца Ли Хунмэй.

Минг Шу встал. Обернувшись, он увидел Сяо Юаня, бодро направляющегося к комнате коменданта.

— Заместитель Сяо, — позвал он, подняв руку.

Сяо Юань еще не успел надеть полицейскую форму, на нем была рубашка и брюки от костюма. Рубашка была заправлена, что придавало ему сильный и надежный вид.

— Ли Хунмэй — наша главная подозреваемая, и очень вероятно, что ее психическое состояние нестабильно. Она может снова кого-то убить. Нам нужно найти ее как можно скорее. — Сяо Юань поднял запястье и сверил время. — С этого момента я передаю расследование первой оперативной группе. Вы сосредоточьтесь на поиске Ли Хунмэй и Чи Сяомина.

— Понял!

В воротах общежития не было камер наблюдения, но в общественных местах университетского городка их было предостаточно. Техническая следственная группа быстро загрузила записи, которые показали, что в 2:31 ночи Ли Хунмэй появилась возле ближайшей столовой к общежитию East 9 с ножом в руке. После этого она пошла по главной дороге через восточный квартал и покинула кампус.

В последний раз она попала на камеру возле восточных ворот Университета иностранных языков, где ее заметили направляющейся в гостиницу под названием "Таверна старых сокурсников".

И Фэй показал документы. Администратор, женщина средних лет, которая никогда раньше не видела столько полицейских, была так напугана, что выключила сериал, идущий на ее компьютере, и немедленно отвела группу в комнату для гостей на третьем этаже.

Сказать, что гостиница была в ужасном состоянии, было бы преуменьшением. Стены были облезлыми, а перила изъедены ржавчиной.

Похоже, они назвали себя "таверной" только для того, чтобы казаться более современными и уникальными, но все равно это была самая дешевая гостиница в округе, где за номер брали всего пятьдесят юаней за ночь.

Администратор дрожащей рукой отперла дверь.

— Человек, которого вы ищете... находится внутри. У меня здесь просто бизнес. Я ничего не знаю о том, чем она занимается.

Зная, что они выслеживают только студентку колледжа, детективы не хотели применять оружие, когда вошли в комнату. Но трагическая сцена, свидетелями которой они стали в комнате 509, напомнила им, что за этой дверью их может поджидать безумный, бессердечный убийца.

Дверь открылась вовнутрь. Она скрипнула на ржавых петлях, издав ужасный звук, от которого у всех онемели зубы.

Это был звуковой эффект, который обычно используется в фильмах ужасов.

Внутри комнаты было только одно узкое окно для вентиляции. Стекло было покрыто туманными пятнами, накопившимися за бесчисленные годы. Снаружи почти не проникал свет. Свет в комнате был выключен. Темнота и затхлый, плесневелый запах вырвались наружу и окутали детективов.

Так получилось, что пистолет Минг Шу был направлен прямо в лоб молодой женщины в двух метрах от них.

Это была Ли Хунмэй.

Она сидела на кровати, застеленной лишь тонкой соломенной циновкой. На ней была желтая футболка, джинсы-капри и пара кроссовок, которые выглядели старыми и дешевыми.

На ее удостоверении личности глаза Ли Хунмэй были невыразительными и почти безжизненными. Черты ее лица были жесткими и некрасивыми. Вживую она выглядела еще более уродливо и жалко. Маленькие глаза, впалый нос, вздернутые ноздри, широкие губы, круглое лицо и большой лоб. Ее щеки и лоб были усеяны прыщами, а редящие волосы были

собраны в свободный хвост.

Люди — визуальные существа и инстинктивно испытывают предубеждение к тому, что они считают красивым или некрасивым. Можно легко представить, что Ли Хунмэй с детства подвергалась издевательствам и остракизму за свою внешность. И причина ее страданий продолжала мучить ее всю жизнь.

Увидев полицейских, Ли Хунмэй, казалось, не испугалась и не вздрогнула. Ее пустой взгляд рассеянно пробежался по лицу каждого детектива, а затем остановился на пистолете, направленном на ее голову.

Минг Шу медленно опустил пистолет. Уголком глаза он заметил одежду, разложенную у изножья кровати.

Эта одежда была все еще испачкана кровью, которую невозможно было смыть.

Это была одежда Ли Хунмэй, в которой она совершила преступление.

И Фэй двинулся первым. Он подошел к кровати, взял еще влажную рубашку и джинсы прямого покроя и положил их в большой пакет для улик.

— Вы здесь, чтобы арестовать меня? — спросила Ли Хунмэй. Она произнесла всего одно короткое предложение, но ее странный акцент был очевиден.

У нее был неприятный голос. Даже при нормальной громкости ее голос казался резким.

Это мгновенно напомнило Фан Юаньхану женщин в сельских деревнях, которые кричали до хрипоты, ругаясь на прохожих на улице.

— Это вы убили трех жителей комнаты 509? — спросил Минг Шу.

Ли Хунмэй не ответила. Вместо этого она медленно согнулась в талии и залезла под кровать, некоторое время пошарила там, а затем вытащила старую потрепанную картонную коробку.

— Осторожно! — рявкнул И Фэй.

Минг Шу не стал уворачиваться. Когда он увидел содержимое картонной коробки, его брови нахмурились.

Внутри лежал окровавленный нож!

— Это была я, — сказала Ли Хунмэй, доставая нож. — Вэнь Цзинцзин и остальные были убиты мной, потому что все они заслуживали смерти!

Они все заслужили смерть.

Именно эта фраза была написана кровью на стенах комнаты 509.

— Давайте я еще раз приму душ, — сказала Ли Хунмэй. Она встала и пересекла комнату, отодвинув деревянную доску, служившую дверью. — После этого я пойду с вами. У меня плохой запах тела. Все находят его невыносимым. Вы, люди, будете такими же.

Бюро уголовных расследований. Отдел тяжких преступлений.

Экспертиза установила, что кровь на ноже Ли Хунмэй принадлежала трем жертвам, а на рукоятке ножа были обнаружены отпечатки пальцев Ли Хунмэй. Следы на месте преступления и записи камер наблюдения, расположенных неподалеку, указывали на Ли Хунмэй как на виновницу всего произошедшего. Кроме того, она сама призналась в совершении этого преступления.

В случае с этими ужасными убийствами в общезнании не было никаких сомнений, что Ли Хунмэй была преступницей.

Минг Шу смотрел на нее с другой стороны одностороннего зеркала в комнате для допросов. В его груди, как лесной пожар, разгорался неконтролируемый клубок ярости.

Сяо Юань подошел и слегка похлопал его по плечу.

— Вы только знаете, что я убила их, но знаете ли вы о том, как они убивали меня? Это меня они убили! — заявила Ли Хунмэй. Она была удивительно спокойна, стоя перед И Фэем, Фан Юаньханом и женщиной-офицером из первой оперативной группы. — Все они были чудовищами. Они мучили меня три года. Они хотели высмеять меня до смерти. Почему никто никогда не приходил, чтобы спасти меня?

— Что они сделали с тобой? — спросила женщина-офицер.

Ли Хунмэй поджала губы и надолго погрузилась в раздумья. В конце концов, она покачала головой с беззлобным смешком.

— Как вы, люди, которые никогда не испытывали страданий, можете понять? Как вы можете поверить мне? Когда вы смотрите на меня, вы, наверное, думаете... Эта женщина все выдумала,

да? Как может быть кто-то настолько несчастен, как она? Эти девушки были студентками колледжа. Как они могли быть такими плохими, как говорит эта женщина?

— Какими бы ни были ваши причины, — сказала женщина-офицер, — они не являются оправданием для жестокого убийства ваших сверстников.

— Тогда тот факт, что я уродлива, что от меня воняет, что моя семья бедна, и что у меня нет родителей — разве это достаточные оправдания для того, чтобы они меня мучили? — ответила Ли Хунмэй. Она сцепила руки вместе, крепко переплетя все десять пальцев. — Вы, люди, рожденные красивыми и превосходными, относитесь к несчастьям других как к чему-то фантастическому, что никогда не может случиться в реальной жизни. Вы думаете, что вы такие добрые? Ха! Сомневаться в жертвах таких страданий, насмехаться над их трудностями, читать им нотации со своего высокого и могущественного поста... вы думаете, это доброта? Это не так. Это не доброта, это неприемлемо. Это яд!

Лицо женщины-офицера уже покраснело от гнева.

— Ты..!

— Нечего сказать? — усмехнулась Ли Хунмэй. Ее обычно деревянная, скованная речь изменилась с ее пылом. Когда она была на взводе, казалось, что она может говорить довольно выразительно и без акцента.

Она продолжила:

— Ты такая красивая. Когда ты была студенткой, тебя, наверное, многие преследовали, да? А теперь ты офицер полиции, окруженная мужчинами. Не то что мы, студентки факультета иностранных языков, где куда ни глянь — одни девушки. У тебя есть все, что возможно в жизни, и нет такой привилегии, которой бы ты не пользовалась. Что бы я тебе ни сказала, ты скажешь, что это не оправдывает мое преступление. Так позволь спросить, какое право ты имеешь спрашивать меня о чем-либо? Ты испытала все то, что испытала я? Ты, наверное, даже представить себе не можешь, через что мне пришлось пройти.

Женщина-офицер встала, повернулась к двери и вышла из комнаты.

И Фэй и Фан Юаньхан обменялись взглядами. Им придется приостановить допрос и подождать, пока придет другая женщина-офицер.

— О? Вы не можете продолжать допрос вдвоем? — спросила Ли Хунмэй. — Почему здесь должна быть женщина, чтобы допрашивать меня? Это чтобы пристыдить и унижить меня?

Фан Юаньхан не мог понять ее логику.

— Таковы правила, мисс.

— Тогда найдите замену, которая будет такой же уродливой, как я, — потребовала Ли Хунмэй. Когда она произнесла слово "уродливая", ее тон стал настолько безразличным, что прозвучал почти скорбно. — Я не хочу разговаривать с красивой женщиной.

Естественно, это была сложная просьба.

Конечно, в Бюро было несколько женщин, чья внешность была довольно невзрачной. Но не было ни одной, которую можно было бы назвать уродливой, особенно в такой степени, как Ли Хунмэй.

Черты лица Ли Хунмэй любой, кто бы на нее ни взглянул, посчитал бы отталкивающими.

— Ты никого не можешь вспомнить? — Ли Хунмэй рассмеялась. — Тогда забудь. Я больше не буду говорить. Говорить с вами все равно бессмысленно, никто из вас меня не поймет...

В другой комнате для допросов на том же этаже Чжан Чуньфан достаточно успокоилась, чтобы изложить все, что знала.

Ли Хунмэй не была уроженкой города Донгье. Она приехала в университет из рыбацкой деревни на побережье — деревни Ся Бэнь. Оба ее родителя умерли, а других близких родственников у нее не было.

Поскольку она выросла в бедности, была некрасивой и страдала от неприятного запаха тела, на лечение которого у нее не было денег, с момента поступления в университет она стала объектом нападок всех в общежитии и на занятиях.

Сокурсники даже дали ей уничижительное прозвище: Саосао.

Не "сао" от "фэн сао", лестного комплимента, а "сао" от "сао чоу", что означает "вонючка". Вонючая. Воняющий мочой.

Когда общежития были распределены, Вэнь Цзинцзин попросила, чтобы Ли Хунмэй дали отдельную комнату, мотивируя это тем, что от Ли Хунмэй слишком плохо пахнет.

Но свободных комнат в общежитии не было, а кроме того, Ли Хунмэй все равно не смогла бы оплатить отдельную комнату.

Ли Хунмэй знала, что ее недолюбливают сверстники. Она редко возвращалась в свою комнату в общежитии, только чтобы поспать, а когда она не была на занятиях, то работала за пределами кампуса.

Вэнь Цзинцзин была уроженкой Донгье, родилась в семье высшего среднего класса. Она выросла с привилегией никогда ни в чем не нуждаться, и сначала она просто смотрела на Ли Хунмэй свысока. И только когда из ее комнаты бесследно исчезли фирменные духи, она действительно ополчилась против Ли Хунмэй и начала подозревать ее в воровстве.

— Это была не я, — с опаской заявила Ли Хунмэй, когда Вэнь Цзинцзин столкнулась с ней в их комнате. — Я не брала твои духи.

— А кто еще это мог быть? — огрызнулась Вэнь Цзинцзин. — От тебя воняет! Я просто купила духи и использовала их при тебе один раз, и ты захотела их, не так ли? Я уже говорила тебе, что твой бромидроз — это болезнь, и тебе нужно настоящее медицинское лечение! Ты работаешь целый день, так почему же ты не использовала эти деньги, чтобы избавиться от этого неприятного запаха? Если ты действительно не можешь накопить достаточно денег, мы организуем для тебя сбор пожертвований!

У Вэнь Цзинцзин был агрессивный характер, и она была склонна к громким высказываниям. Когда она читала Ли Хунмэй нотации во всю мощь своих легких, прошло совсем немного времени, и все девушки с пятого этажа здания сбежали посмотреть, что происходит.

Ли Хунмэй продолжала пытаться объясниться, но могла лишь повторять одни и те же фразы:

— Это не я их взяла. Я даже не знала, что у тебя есть флакон духов.

Но это только заставило Вэнь Цзинцзин еще больше взъяриться.

— Ты все еще споришь со мной? Тогда скажи мне, кто взял мои духи? В этой комнате нас только четверо. Не говори мне, что ты пытаешься свалить это на Маньюэ или Цяоцяо! У них у обоих есть свои духи, какого черта они украли мои?

Цинь Маньюэ была признана самой красивой богиней на английском факультете. Она была высокой и обычно вела себя спокойно и невозмутимо. Сейчас она стояла в стороне и наблюдала за спором, не говоря ни слова.

Лиан Цяо, напротив, не стала бы терпеть такой подтекст. Она тут же поспешила поддержать Вэнь Цзинцзин:

— Я, крадущая духи? Ли Хунмэй, ты действительно позволяешь себе слишком много! Не можешь же ты всерьез пытаться испачкать меня своей грязью!

В итоге, даже после их ссоры, инцидент так и остался неразрешенным. Ли Хунмэй продолжала настаивать на том, что ничего не крада, но никто ей не верил. Новости о предполагаемой краже распространились из общежития по всему университету, и даже несколько парней начали называть Ли Хунмэй унижительными прозвищами, такими как "Уродина", "Вонючка" и

"Вор".

К следующему учебному семестру Вэнь Цзинцзин уже сплотила весь класс против Ли Хунмэй. С тех пор Ли Хунмэй подвергалась полному ostracism.

Студенты английского отделения каждый день практиковались в общении друг с другом на английском языке, но никто не хотел объединяться с Ли Хунмэй. Когда все в ее классе разделились на пары, Ли Хунмэй сидела одна в углу, бормоча про себя выученные слова.

Язвительные оскорбления и сарказм стали обычным делом в жизни Ли Хунмэй. У нее не было другого выбора, кроме как привыкнуть к такому обращению.

На втором курсе мучения Вэй Цзинцзин усилились. Она нашла какого-то парня, даже не студента их университета, и привела его в общежитие, чтобы домогаться Ли Хунмэй. Она послала его в ванную, пока Ли Хунмэй принимала душ. Когда он с силой открыл дверь, ожидающие зрители уже направляли на Ли Хунмэй камеры и мобильные телефоны.

Ли Хунмэй боролась и сопротивлялась, но безрезультатно. Мужчина схватил ее и держал в тисках, не произнося ни слова. Она плакала и кричала, пытаясь освободиться, но она ничего не могла сделать, чтобы остановить звуки щелкающих фотоаппаратов вокруг нее.

Но фотографии в обнаженном виде так и не были распространены за пределами университета. Вэнь Цзинцзин не была такой храброй.

После этого Вэнь Цзинцзин, Лянь Цяо и Цинь Маньюэ стали еще смелее и увереннее в своих домогательствах. Они поняли, что Ли Хунмэй не может дать отпор, и все в классе были на их стороне.

Ли Хунмэй продолжали домогаться снова и снова. Бесчисленное количество раз она находила окровавленные гигиенические салфетки в своих ланчбоксах или бутылках с водой.

— Никто в университете не сделал ничего, чтобы остановить это? — спросил один из детективов, когда Чжан Чуньфан закончила рассказывать подробности.

— Сделал? Что мы могли сделать? — сказала Чжан Чуньфан. — Ли Хунмэй была самой несчастной ученицей на английском факультете. Те, кто издевался над ней, были в основном детьми политиков или важных бизнесменов, и большинство из них были местными жителями. Ли Хунмэй была одна, она хотела получить образование вдали от дома... она не могла позволить себе сделать что-то, что спровоцирует этих хулиганов.

Чжан Чуньфан вздохнула.

— На первом и втором курсах Ли Хунмэй обращалась за помощью к преподавателям, но никому

не было до этого дела. Студенческий совет тоже закрывал на все это глаза. Ведь Вэнь Цзинцзин была заместителем председателя студенческого совета. На третьем курсе Ли Хунмэй, похоже, поняла свое положение. Она больше никому не жаловалась. Она просто старалась держаться как можно дальше от своих одноклассников. Она завела друзей за пределами университета, но у нее не было правильных друзей. В прошлом году она познакомилась с миссионером. Когда они вместе зашли в общежитие, чтобы попить воды, Вэнь Цзинцзин и остальные строго отругали Ли Хунмэй. Я жалела ее и пыталась дать ей совет. Я сказала ей, чтобы она терпела до окончания учебы, и она ответила, что понимает. Я всего лишь комендант общежития. Я больше ничем не могла ей помочь. Все, что я могла сделать... все, что я могла сделать для нее, это открыть ворота, когда она поздно возвращалась с работы!

Несколько однокурсников Ли Хунмэй выступили вперед, чтобы подтвердить все сказанное Чжан Чуньфан, но подавляющее большинство хранило полное молчание по этому вопросу.

В университете судорожно пытались устранить последствия и не допустить, чтобы их имидж разлетелся вдребезги. Куратор Ли Хунмэй упорно отрицал, что она терпела такие унижения целых три года.

На ноутбуке Вэнь Цзинцина Сяо Мань обнаружил фотографии обнаженной Ли Хунмэй, которые были сделаны насильно, пока она была в душе.

Это было неопровержимое доказательство издевательств, которым подверглась Ли Хунмэй.

Ли Хунмэй оставалась спокойной и нераскаянной, как будто ее преступление не имело никакого значения. Покачивая головой с горькой улыбкой, она сказала:

— Мне действительно следовало убить их давным-давно. Я была слишком добра к ним. Я дала им милосердный конец, позволив умереть во сне. Они были гораздо более жестокими. Они причиняли мне боль снова и снова в течение трех лет. Я страдала гораздо больше, чем они...

К тому времени, когда закончились долгие допросы, наступила ночь. Минг Шу налил себе чашку травяного чая, потер уставшие и опухшие глаза и взял пальто со спинки стула.

Ли Хунмэй призналась, но еще слишком рано говорить о том, что дело закрыто.

Куда пропала женщина по имени Чи Сяомин?

<http://bllate.org/book/14859/1321879>